

The background of the cover is a monochromatic, teal-colored photograph of a forested hillside. The scene is shrouded in mist or fog, creating a soft, ethereal atmosphere. The sky is a pale, overcast grey, and the trees on the hillside are dark silhouettes against the lighter background. The overall mood is quiet and contemplative.

Отшельник

Михаил Шнейдер

Михаил Исаакович Шнейдер

Отшельник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70026409

SelfPub; 2023

Аннотация

Рассказ об одиночестве, о духовном развитии и духовной жизни , о мудрости и немного о любви

Михаил Шнейдер

Отшельник

Я заглянул в полупустое купе поезда Москва – Адлер. Это было чудесное и незабываемо время. Безмятежно спокойное, ласковое. На рождественские каникулы я решил поехать в Сочи, в то время у меня был вполне заслуженный отпуск. И я, не посмотрев на зиму, сняв комнату в квартире бывшего моряка и его жены, наконец-то, почувствовав себя комфортно; я остался один, в совершенно не знакомой мне обстановке. Целый день я гулял по набережной, просиживал на лавочке, обращенной к морю, смотрел на воду, и читал. Воздух был необыкновенно свежий и прохладный. А вечером, исходив несколько километров, а то и больше, я возвращался усталый, довольный собой и запирался у себя в комнате, усаживаясь за книги.

В общем можно сказать, что все было прекрасно если бы.... через несколько дней у меня ужасно разболелась голова....

***

Случай или космическая закономерность часто сводит РАЗНЫХ людей в ОДНОМ месте. Этот человек был одет в черный, длинный, затасканный плащ; руки у него были грязные; волосы длинные и мокрые, склеившись, лежали на плечах; по лицу стекали черные подтеки от воды; борода была

длинная, густая заостренная на конце с перемежающимися седыми и черными волосами. Он присел на стул, стоявший в приемной больницы и вытащил из-за пазухи плаща кусочек хлеба. Дверь в кабинет врача открылась, из нее вышел один пациент, и зашел другой. В это время в воздухе что-то засвистела, и открытую входную дверь несколько раз ударило о створки сквозняком. Я передернул плечами, проводив взглядом старика. Он представлял собой человека, ведущего бродяжный образ жизни, но при этом ему удавалось оставаться привлекательным. Мое внимание всегда привлекали опустившиеся до дна люди, хотя наверно не более чем слишком богатые. Но я помню, долго думал о бывшем моем университетском преподавателе, которого как-то увидел утром в летнем кафе за бутылкой вина. Я знал только, что у него умерла жена, и он ушел с кафедры. А еще как-то ехал в метро и услышав за спиной громкий голос, повернулся и увидел, пожилого, явно выжившего из ума и неухоженного человека. Он басом, сбивчиво, о чем-то говорил, вряд ли четко осознавая – что. Это был не внятный бред старого склеротика, но некоторые мысли на удивления отличались поразительной логикой. Некий сгусток разрозненных, переживших себя жизненных позиций. Он говорил: «Все улетело... прошло. Куда пропало? Я жил, а ничего уже нет. Были люди, и не стало. Кошпировский и Чумак лечили, лечили и не вылечили. Все больные. А я тут стою, доживу, и буду стоять. Ничего, ничего все хорошо. А что вообще? Какая уже разнится.

А кто вообще счастлив? Кто счастлив? Никого нет счастливого. Все стоят и никто не счастлив – говорил он – ничего, а я буду здесь стоять».

Но старик, которого я сейчас видел перед собой, был явно не из простых нищих. У него был серьезный взгляд. А главное в нем не было следов самоуничтожения. «Господи как в мире все относительно и сложно» – подумал я. Если бы не внешний вид, он больше напоминал весомого персонажа этой жизни. У этого человека видимо была интересная судьба и можно предположить, что что-то произошло. Что? Я грустно усмехнулся. И заложив руки за спину, зашагал по холлу, поглядывая время от времени на старика, который, доев хлеб, облокотился на спинку и прикрыл глаза.

Его вид как будто разбудил во мне что-то. Я вспомнил, сколько я пережил за последнее время. Как много всего пролетело!!! В родном городе меня ждала любовь. Какая она замечательная!!! – подумал я и от этой мысли в душе потеплело. Сейчас я считаю, что все произошедшее со мной, было ради того, чтобы я нашел ее, а завтра это все окажется горьким обманом. Я еще раз посмотрел на старика. «Ему наверняка тоже есть в чем разочароваться в жизни... нет что-то здесь не так!» – подумал я, подошел и присел рядом.

– Можно с вами поговорить.

– Да – ответил он, и приоткрыв глаза, посмотрел на меня, казалось, ничуть не удивившись моему к нему обращению.

– Простите меня, но я подумал, что может быть могу вам

чем-нибудь помочь.

– Спасибо, я конечно, когда вас увидел, сразу понял, что вы со мной заговорите. Вы свой взгляд не контролируете. Но помощи не надо, спасибо – твердо проговорил он

На какое-то время воцарилась тишина, потом он заговорил:

– Вам будет полезно знать, молодой человек, что людям не стоит, а может никогда и не надо помогать

– Это почему же?

– Цветы, растущие в диком поле не нужно поливать, природа сама создает все необходимое. Нельзя ничему мешать, если, например, глупец на свое несчастье, благодаря вам овладеет знанием, оно уничтожит его удачливый жребий, разбив ему голову.

– Так здраво осознающий положение вещей человек, не будет бездействовать для его изменения!!!

– Это вы обо мне?

– В общем, то да.

– Я сам выбрал этот путь. Поверти, их у меня было много. И договорив, он достал, спрятанный за одеждой крест

– Вы христианский паломник?

– Нет ни паломник, и тем более ни христианский – он улыбнулся и еще раз посмотрел на меня – Ни в церкви дело, люди слишком много заботятся о форме, а не о содержании. Хотят выглядеть добрыми, а не быть ими. Ни дом, ни организация не может быть святым, святым может быть только

дух.

– А зачем тогда крест, это же и есть символ

– Нет, это не символ, как вы сказали. Если хотя бы один человек решился умереть ради этого мира, то в нем стоит жить.

– Интересно – проговорил я, усмехнувшись и покачал головой

– Совершенно ничего интересного, я уверен, что для тех людей – он махнул головой, в сторону сидящей в стороне семьи – намного интересней, почему вы со мной заговорили.

Я повернулся и увидел пару с маленькой девочкой, ток же, как и я, ожидавших своей очереди к врачу. Они только лишь успели отвести голову, увидев, что о них говорят. Я нахмурился. Да, я сам был поражен тому, что происходило, было странно, что я все-таки решился с ним заговорить. Мне стало неопиcуемо любопытно продолжить этот разговор, и я наперекор публики, как мне показалось еще большим вниманием, продолжил разговор:

– Каждому «свое» – сказал я, кивнув в сторону семьи – Вы знаете, я пару дней назад был в Анапе и проходил вдоль картиной галереи на набережной, поражаясь насколько все однообразно и бездарно. Как вдруг мое внимание упало на несколько картин. Они чем-то отличались от всех остальных. Я подошел ближе. Ко мне подбежал мужчина лет 65. Он не был похож на художника.

Старик казался, меня не слушал, устремив взгляд ку-

да-то далеко. Наш разговор для него явно ничего не значил, и он не находил в нем ничего удивительного. Я же не знаю, зачем ему это рассказывал, но в тот момент мне искренне казалось, что это важно.

– Мужчина оказался реализатором, бывшим учителем физики, и отцом художницы. Меня привлекли картины с изображением японских иероглифов. Он рассказал мне, что сами иероглифы рисовал муж, а фон дочь. И глядя на отца, было понятно, что его дочь была прекрасным и необыкновенным человеком. Конечно, от него разило спиртным, но у него слезы катились по щекам, когда он говорил о дочери. Говорил, что она рисует от бога. Говорил, что хочет, чтоб именно я купил картину. И я знал, что это не торговая уловка и знал, почему он почувствовал именно во мне человека способного оценить ее творчество. На самом деле главную ценность в картине составлял именно фон. Он был грязный, хаотичный, непонятный, но в нем была сила. Именно ни красота, а сила. А в отце была доброта, неосознанная, чистая, простая человеческая доброта. Именно вот чего не хватает самосовершенствованию, аскетизму и отшельничеству.

– Вы очень умны молодой человек, и я думаю, если ничего не случится, будите большим человеком. И я прекрасно понимаю, что желание избавиться от страдания, уйдя от желаний, и из мирской жизни тоже есть всего лишь проявлением эгоизма. Но вы знаете, почему у софистов был ответ на любой вопрос? Потому что спор есть дело бесполезное, а

любую гипотезу можно опровергнуть. И это все, потому что истинны, нет нигде. Даже в нирване. Потому что та в свою очередь тоже нечто. А нам с вами надо заканчивать этот разговор, во-первых, потому что подошла ваша очередь, а во-вторых, потому что вы можете от меня заразиться – и он повернул голову показав мне брешь на затылке на которой было что-то ужасное и неприятное, напоминающее лишай у домашних животных.

Я встал и пошел к врачу. Он сказал мне, что я слишком много был на холодном воздухе и у меня менингит. Я срочно выехал в Москву, оказалось, что диагноз в Сочи поставили неправильный. А я еще долго думал над моим разговором с отшельником. Наверное, если бы мне еще раз представилась такая возможность я бы, сказал ему что-то «другое». Зачем было идти на противоречие? Когда такого человека можно встретить только раз в жизни. Конечно крайности в аскетическом истязании не приводят к просветлению, но все же если видишь мудреца, нужно следовать за ним, как за указывающим сокровище. А глупец, видя чужие недостатки, не видит свои. Ведь кем в итоге остаюсь я? Обычным, средне-статистическим человеком, может быть не глупым, но лишь собирающим знания... бессмысленно и бесцельно, потому что я вряд ли когда-нибудь в жизни решусь, на что-либо значимое. Ибо одно средство ведет к приобретению богатства, другое – к Нирване. Одно к получению удовольствия, другое к благу. Зная же это, ученик не возрадуется почестям,

но возлюбит одиночество. У меня в комнате до сих пор висит картина анапинской художницы с грязным, хаотичным и непонятным фоном. С девушкой я вскоре расстался. А иероглиф по-прежнему обозначает символ непоколебимой и вечной любви.

Михаил Шнейдер

весна 2007 года

Донецк